DVONČ, L.: Dynamika slovenskej morfológie. Bratislava, Veda 1984.
Gramatika na sǎvremennija bǎlgarski knižoven ezik, II. Sofia, Bǎlgarska akademija na naukite 1982.
HAVRÁNEK, B.: Vývoj českého spisovného jazyka. Praha, 1979.
HORECKÝ, J. – BUZÁSSYOVÁ, K. – BOSÁK, J. a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, Veda 1989.
JEDLIČKA, A.: Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974.
LEBEĎOVÁ, S.: K ztrátě obouvidovosti u sloves cizího původu v současné češtině. Slovo a slovesnost, 61, 1980, s. 279-285.
LEBEĎOVÁ, S.: Spojování sloves cizího původu s českými předponami. Naše řeč, 67, 1984, s. 118.
ORAVEC, J. – BAJZÍKOVÁ, E. – FURDÍK, J.: Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1984.
RUSINOVÁ, Z.: Tvoření slov v současné češtině. Brno, 1978.
Slovník spisovného jazyka českého. IV. Praha, Academia 1971.
VIDENOV, M.: Kǎm dinamikata na bǎlgarskija knižoven ezik dnes. Sofia, Godišnik na SU, XXI, 1, FSF, Problemy na bǎlgarskoto i ruskoto ezikoznanie 1979.
ZNEPOLSKY, S. – IVANČEV, S. – MARA, K. – ROMANSKA, C.: Slovaško-bǎlgarski rečnik. Sofia, Bǎlgarska akademija na naukite 1970.

К карпатской гидрографической терминологии: праславянская лексика

Мария Осипова

Институт славистики и балканистики РАН, Москва

Карпатская миграция славян (не позднее XI в. н.э.) на лексическом уровне отражена в карпато-балканских изоглоссах, один из аспектов которых – географическая терминология – был рассмотрен Иллич-Свитычем (1960). Диагностическими северными точками изоглосс – наравне с украинскими говорами Восточных Карпат – целесообразно считать малопольские говоры на территориях, прилегающих к Западным Карпатам.[1] Ниже я хотела бы остановиться на гидрографических терминах указанного ареала, ускользнувших от внимания других исследователей, в частности, составителей КДА и ОКДА.

Слав. **gukъ* 'шум': укр. гуцул. *huk* обозначает '(шумящий) водопад' (Jurkowski, 48), что отражено в гидронимии Восточных Карпат, ср. *Гук, Гу́чало, Гу́чанка (СГУ, 161; ср. также Huczek, Huczki, Hučava* и под. в Западных Карпатах: HW, 326). Взаимопроникновение гидрографических апеллативов и соответствующих гидронимов известно. На фоне отсутствия в русском как терминологического значения *гук* ('крик': СРНГ 7: 211), так и соответствующих речных названий привлекает внимание гидроним *Hukavica* в бассейне Савы (Dickenmann I/2: 144), образующий параллель к украинским словам.

Слав. **solt(v)ina (< *solъ)*. Продолжениям этого апеллатива – гидрографическим терминам, повсеместно встречающимся в славянских языках (в том числе в русском), посвящена немалая литература (ср. Duridanov, 53, 320; Bezlaj II: 189-190; Dickenmann II: 110). Гидроним *Slatina* достаточно рано попал и на Балканы, см. Vasmer, 35, 97, 195. В нашем случае важна семантическая дифференциация рефлексов **solt(v)ina*: в то время как в рус. *солоти́на*, пол. *słotwina* представлено значение 'болото' (Даль IX: 267; Мурзаев, 513; Nitsche, 87), в карпато-балканской зоне имеем укр. бойк. *sołótwyna* 'соленый источник' (Jurkowski, 41), мак. *сла́тина* 'слабый водный источник' (Григорян, 203), с.-хорв. *slâtina* 'соленый или кислый источник' (Schütz, 67). Заслуживает внимания ярко выраженный карпатский ареал распространения гидронима *Соло́твина* на Украине (Ивано-Франковская и Закарпатская области: СГУ, 520); на территории польского Прикарпатья многократно отмечается *Słotwina* (HW, 409), ср. также *Słocina, Słotwina* в Судетах и прилегающих областях (HO, 57).

Слав. **teplica* отражено в разных славянских языках, включая русский. Даль отмечает *тепли́ца* 'теплый ключ, родник, горячий источник' (IX: 399) без указания на географию слова, причем приводимый пример *Кавказские теплицы – к тепли́цы* 'целительные воды вообще' – заставляет усомниться в распространении слова на собственно русских территориях. Это подтверждается и данными WRG (12: 542: *Теплица* с локализацией в Буковине и Галиции);

[1] В польском, украинском и южнославянских языках представлены различные результаты важнейших, напр., фонетических, процессов позднего праславянского – как метатеза плавных, в конечном счете – вследствие миграции; чешский и словацкий ареалы по этому признаку не противопоставлены южнославянскому. В то же время наличие северокарпатских – южнославянских лексических схождений говорит о существовании в Карпатах перед эпохой движения славян на Балканы некоей компактной языковой зоны. Подчеркнем, что существующий акцент на карпато-украинских данных объясняется тем, что поиск изоглосс, охватывающих южнославянские языки, шел в связи с поиском так наз. болгаризмов в юго-западных украинских говорах, что в свою очередь диктовалось национальной амбицией: установить яркие отличия закарпатских земель от остального украинского пространства (см. Нимчук 1988). Внимание же польских лингвистов было – противоположным образом – направлено на доказательство близости говоров Подгалья другим польским говорам в связи с отрицанием германской стихии как основополагающей в польских Западных Карпатах (Stieber 1947: яркие лексические черты подгальских и смежных говоров объяснялись как результат заимствований, прежде всего из словацкого и украинского языков).